

ИСТОРИЯ HISTORY

Васильченко О. А.

07.00.02

O. A. Vassilchenko

КОРЕЙЦЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1923-1937 ГГ.) KOREANS IN THE SOVIET FAR EAST (1923-1937)

Васильченко Олег Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социальная работа Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, E-mail:: sfknagtu@mail.ru
Oleg A. Vassilchenko — Doctor in Engineering, at the Department of Social Work, Komsomolsk-on-

Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), e-mail: sfknagtu@mail.ru

Аннотация: В статье характеризуется экономическое и социальное положение семей корейских иммигрантов, переселившихся на российский Дальний Восток. Освещаются вопросы адаптации корейских семей к новым условиям проживания. Анализируется политика органов власти по их русификации.

Summary: The paper describes the economic and social life of Korean migrant families who have moved to the Russian Far East region. Discussed is the issue of how Korean families adapt themselves to their new living environment. Governmental policies on the issues of the people's Russification are analyzed.

Ключевые слова: Дальний Восток, история, семья, корейцы, государственная политика

Keywords: Far East, history, family, Koreans, government policy.

Современное состояние Дальнего Востока России характеризуется значительным увеличением количества трудовых иммигрантов из соседних азиатских стран. В связи с этим представляется актуальным обращение к историческому опыту государственной

политики Советской России в отношении корейской иммиграции в Дальневосточном регионе.

Революционные события, гражданская война и интервенция завершились на Дальнем Востоке только в конце 1922 года. Они нанесли значительный урон экономическому положению корейских семей.

Основным видом их деятельности оставался сельскохозяйственный труд.

Сдерживающим фактором в развитии сельскохозяйственного производства являлось малоземелье. Например, в 1923 году в Приморской губернии на одну семью корейского населения с советским гражданством в среднем приходилось 3,6 десятины земли.

Значительная часть корейцев не имела советского гражданства и арендовала землю у казаков, крестьян, а также у государства. Средняя величина арендуемого земельного надела этой группы корейского населения составляла 1,2 десятины на одну семью.

Величина арендной платы за использование земельных угодий колебалась в зависимости от районов Дальнего Востока. Например, в 1925 году корейские семьи Владимиро-Александровской волости Владивостокского уезда платили за аренду одной десятины земли более 47 р., а в селе Киевичи установили арендную плату в размере 70 р. за десятину [1, 21].

Размеры земельных угодий не обеспечивали прожиточного минимума корейским семьям. Случавшиеся неурожаи обрекали их на голод.

Безземелье подталкивало корейцев к активным действиям с целью получить дополнительные земельные наделы и снизить арендную плату, что противоречило интересам местных крестьян, опасавшихся лишиться земельных излишков.

Это противоречие породило антагонизм между жилищными русскими и корейским населением, который усилился в связи с введением в действие 23 января 1923 года Земельного кодекса РСФСР [2, 58].

В 1924 году получили земельные участки почти 3 тыс. корейских семей. К концу 1928 года их число достигло 10659. При этом среди корейского населения еще насчитывалось около 12 тыс. безземельных семей.

Наделение корейского населения земельными участками происходило путем перераспределения имевшихся кулацких земельных угодий и переселения части корейских семей на целинные земли в другие районы Дальнего Востока.

Васильченко О. А.

КОРЕЙЦЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1923-1937 гг.)

По этому поводу на пленуме Дальбюро ВКП (б) (1925 г.) было принято решение: «Считать своевременным и вполне целесообразным начать расселение крестьян-корейцев из Посъетского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда вглубь Приморской губернии, а главным образом в Амурскую губернию» [3, 171].

Переселения корейских семей вглубь Дальневосточного региона преследовали еще одну цель: сосредоточить многочисленное корейское население, скопившееся в приграничных районах. Например, в 1928 году в Посъетском районе оно составляло 89,2% от числа всех жителей.

Как и прежде, в хозяйственной деятельности корейских семей значительную роль играло культивирование риса. Например, в 1928 году 41,4% корейских семей (10182 хозяйства) занимались его производством.

Кроме того, органы советской власти активно поддерживали развитие шелководства. Так, 24 ноября 1925 года вышло постановление ЦИК РСФСР «О беспощинном ввозе из-за границы в Дальневосточную область тутовых саженцев» [4, 616]. В соответствии с этим постановлением корейцы получили таможенные льготы для импорта тутовых саженцев. В 1931 году по инициативе органов власти был осуществлен ввоз тутовых семян из Японии.

В корейских хозяйствах, как и прежде, преобладал ручной труд. Основными орудиями труда оставались серпы, мотыги, кирки и т. д. Почти не использовались механические двигатели, не хватало плугов и молотилок. Из 15259 корейских семей, занимавшихся сельским хозяйством, пахотных орудий не имели 11280 хозяйств (73,9%) [5, 171].

Органы власти стремились преодолеть техническую отсталость корейского хозяйства, предоставив корейскому населению кредиты для закупки сельскохозяйственного инвентаря и механизмов. Например, в 1925 году Дальревком принял решение, согласно которому финансовые органы открыли кредит для этих целей корейцам Приморской губернии.

По мнению властей, действенным способом подъема хозяйственной деятельности корейских семей могло стать их объединение в сельскохозяйственные артели и кооперативы.

В 1923 году среди корейского населения уже насчитывалось 9 кооперативных объединений, а через год только в Приморской губернии их было 23.

Для роста привлекательности кооперативов местные органы власти оказывали им материальную

и финансовую поддержку. Например, их в первую очередь снабжали инвентарем и сельскохозяйственными машинами. Так, в Суйфунском и Посъетском районах в 1925 году на коллективные хозяйства корейского населения приходилось 70% реализуемой сельскохозяйственной техники.

Исторические документы позволяют проследить динамику роста кооперирования в хозяйственной деятельности корейцев.

В 1931 году 149 корейских колхозов объединяли хозяйства 7442 семей.

В 1934 году в крае уже насчитывалось около 200 корейских колхозов. В 1935 году были коллективизированы более 80% корейских единоличных хозяйств.

Наряду с сельскохозяйственными объединениями получили развитие коллективные хозяйства корейских рыбаков. Например, в начале 30-х годов 2 тыс. корейских семей (5 тыс. человек) были объединены в рыболовецкие колхозы, среди которых наиболее результативно трудились «Аскольд», «Новая искра», «Сучанский партизан», «Ленинский маяк» [6, 65].

Таким образом, характеризуя экономическую политику советских органов власти в отношении корейских семей, следует выделить ее основную направленность — привлечение корейской бедноты на сторону Советов путем наделения землей безземельных и малоземельных крестьянских семей, организации среди них колхозов, преодоления технической отсталости корейских хозяйств.

Советские органы власти придавали большое значение делу постановки школьного образования среди корейского населения, поскольку школы должны были стать проводниками государственной политики.

В 1923 году на Дальнем Востоке работали 224 корейские школы, где обучалось более 11 тыс. детей. В их числе были бывшие миссионерские школы, а также школы различных религиозных и политических организаций.

Создание школьного дела тесно увязывалось с задачами советского строительства среди корейского населения. Так, на совещании секретарей губкомов РКП (б) и председателей исполнительных комитетов Дальневосточного округа, прошедшем в Хабаровске 6 августа 1923 года, был обсужден вопрос о необходимости подъема культурного уровня национальных меньшинств. Согласно резолюции совещания, предполагалось произвести реорганизацию корейских школ 1-й ступени в трудовые школы с учетом национально-бытовых особенностей корейского населения. В Никольск-Уссурийском педагогическом

техникуме планировалось создать корейские классы с преподаванием предметов на родном языке, а также ввести дополнительную корейскую программу.

В результате реорганизации, проведенной партийными и советскими органами власти в народном образовании, в 1923/24 году были закрыты религиозные школы. Все учителя корейских школ подверглись проверке на политическую лояльность советской власти и профессиональную пригодность. Часть учителей была уволена.

В 1924 году число корейских школ сократилось до 168, из них 87 школ были государственными, остальные — частными [7, 93].

Закрыв сомнительные, с политической точки зрения школы и проведя чистку преподавательского состава, органы власти приступили к переработке учебных программ в направлении сближения культуры корейского населения с остальными народами советского Дальнего Востока. Новые программы ориентировались на преодоление этнической замкнутости корейцев и воспитание молодого поколения в духе интернационализма.

Унификация в образовании продолжилась за счет введения русского языка в образовательный процесс. В корейских школах повышенного типа произошел постепенный перевод преподавания на русский язык. В школах 1-й ступени русский язык преподавался как отдельный предмет.

Послевоенная разруха осложнила развитие школьного дела на Дальнем Востоке. Многие корейские сельские школы бедствовали, так как не хватало теплых и приспособленных помещений, ощущалась нехватка парт, учебников и школьных пособий.

Значительная часть национальных школ содержалась за счет населения. Корейцы оплачивали работу части учителей, трудившихся в государственных школах. Например, в 1924 году из 119 учителей 52 содержались за счет родителей корейских детей.

4 апреля 1925 года на заседании Корейской комиссии при Дальневосточном революционном комитете были выработаны меры по улучшению образования корейского населения. Они предусматривали выделение в 1925/26 году 25 тыс. р. на издание учебников и педагогической литературы. Предполагалось вовлечь корейскую молодежь в вузы, профтехнические школы и другие учебные заведения.

В результате проведенных мероприятий к 1927 году число корейских школ выросло и достигло 172, в них обучались 18510 учащихся. В 1932/33 году в крае уже насчитывалось 283 корейские школы, в которых 966

учителей обучали 25843 ребенка [8, 13].

Подготовку национальных педагогических кадров осуществлял Никольск-Уссурийский корейский педагогический техникум, отделение рабфака Дальневосточного государственного университета, Хабаровский интернациональный педагогический институт.

С целью снабжения корейских школ учебниками и литературой за первые 6 лет существования советской власти на Дальнем Востоке было издано около 180 тыс. экземпляров книг и брошюр на корейском языке. Среди них такие издания, как букварь «Красное дитя», букварь для взрослых «Долой неграмотность», «Азбука матери» и др. [9, 64].

Для корейской семьи существенное значение имела политика советских органов власти в отношении корейских женщин. Она осуществлялась в соответствии с циркуляром ВЦИК СССР от 5 сентября 1925 года «О раскрепощении женщин Востока» [10, 11].

Согласно положениям этого документа, органы исполнительной власти должны были активизировать работу по вовлечению корейских женщин в советское строительство, выдвижению отличившихся на ответственную работу. В целях освобождения женщин от бытовой загруженности предполагалось увеличить количество яслей, детских площадок, планировалось расширить сеть женских консультаций, родильных домов и др.

Одним словом, государственная политика, ориентированная на раскрепощение корейских женщин, в конечном итоге должна была нанести удар по традиционным основам корейской семьи, разрушив ее замкнутость.

В результате реализации намеченных решений в 1926 году в советских органах власти уже работали 320 кореянок.

Специально для корейских женщин проводились мероприятия санитарно-просветительского характера. Например, в 1926 году особой популярностью пользовалась выставка для матерей, которую посетило около 600 кореянок.

В Дальневосточном крае открывались корейские детские сады и очаги, в которых в 1928 году насчитывалось 1568 детей [11, 339].

Наблюдался неуклонный рост числа корейских детей в детских учреждениях края. Это говорит о том, что политика органов власти повлияла на традиции корейцев, пошатнула их вековые представления о методах воспитания и ухода за детьми.

Государственные учреждения осуществляли ме-

Васильченко О. А.

КОРЕЙЦЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1923-1937 гг.)

роприятия по защите корейских женщин от насилия в семейной жизни. Например, в судебном порядке преследовалась продажа женщин и девочек. Так, в 1925 году в селе Покровка был осужден на 2 года лишения свободы кореец Егай, продавший за 200р. свою несовершеннолетнюю дочь [12, 97].

Особое внимание властные структуры уделяли национальным отношениям в регионе, проблемам ущемления прав корейского населения. Так, 21 июля 1930 года вышло постановление ЦИК и СНК РСФСР «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении корейцев и китайцев» [13, 69-72], которое запрещало проявлять пренебрежение и великодержавный шовинизм в отношении корейского населения Дальнего Востока.

Корейцы были представлены в местных органах власти, что свидетельствовало о положительных результатах национальной политики в регионе. Например, в 1929 году из числа корейцев были 2936 членов сельсоветов, 71 член райисполкома, 5 членов окружных исполкомов, 2 члена крайисполкома [14, 356].

Характеризуя социальную политику органов государственной власти, проводимую в отношении корейских семей, следует выделить ее целенаправленность на подъем культурного уровня корейского населения, его оздоровление, вовлечение в общественную жизнь.

Однако политическая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке к концу 30-х годов, изменила положение корейских семей.

В партийных и советских органах власти существовало сомнение в надежности корейского населения в случае возникновения военного конфликта.

Еще в начале 1923 года секретарь Дальбюро ЦК РКП (б) Н. А. Кубяк в своем выступлении на 1-й Приморской губернской партийной конференции озвучил эту точку зрения, обвинив всех корейцев в сотрудничестве с японскими интервентами и предложил их выселить с территории советского Дальнего Востока. В этом же году власти Камчатки выселили около 800 корейцев в Японию.

30 мая 1925 года по этой же причине корейцам было отказано в создании автономной корейской области на территории Дальневосточного региона.

Решающим документом, поставившим точку в колебаниях местных властей по отношению к корейскому населению, стало постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения из пограничных районов ДВК» [15, 80], в соответствии с которым 25 октября 1937 года 36442

корейские семьи (171781 человек) были выдворены с Дальнего Востока и направлены в Узбекистан и Казахстан.

Выселение корейских семей за пределы края лишило регион значительной части сельскохозяйственного населения. Был прерван начавшийся процесс их вовлечения в социалистическое строительство.

Таким образом, в очередной раз теперь уже советские органы власти подтвердили преобладание политических интересов над экономическими в развитии Дальнего Востока. Именно это обстоятельство делало социально-экономическую политику государства в отношении корейских семей непоследовательной и противоречивой.

Государство потратило значительные средства на оказание помощи корейским семьям в укреплении их социально-экономического положения в регионе, повышении культурного уровня. Оно же свело к нулю все свои усилия, приняв решение о выселении корейских семей за пределы Дальневосточного региона.

Современный Дальний Восток России испытывает нехватку трудовых ресурсов. Данную проблему можно решить за счет привлечения рабочей силы из соседних азиатских стран. В связи с этим необходимо учитывать исторический опыт, накопленный органами власти при работе с иммигрантами из сопредельных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189.
2. Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. Чита: Издание Дальневосточного Революционного комитета, 1923. 312 с.
3. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. Р-17. Оп. 68. Д. 191.
4. Собрание законов СССР. 1925. №81.
5. Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917- конец 30-х годов). Москва-Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1995. 260 с.
6. ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 159.
7. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 51.
8. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 25. Оп. 5. Д. 10.
9. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 85.
10. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 5.
11. Два года работы Дальне-Восточного краевого исполнительного комитета Советов РКК и КД за 1926/27-1927/28 гг. Материалы к отчету 3-му краевому Съезду Советов. Хабаровск: Издание ДКИК, 1929. 384 с.
12. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 326.
13. ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 162.
14. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189.
15. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. типография, 1993. 219 с.